

УДК 07.00.02

Мобилизационное планирование в Карелии в предвоенное десятилетие

РЕПУХОВА

Оксана

Юрьевна

*старший преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, repukhova@yandex.ru*

Ключевые слова:

СССР
Карелия
мобилизационная подготовка
приграничная территория
угрожаемые зоны
инфраструктурная подготовка
эвакуационная подготовка
мобилизационные планы
эвакуационные планы

Аннотация:

В статье исследована малоизученная история мобилизационного планирования в Карелии в 1930-х гг. Рассмотрена институционализация мобилизационной подготовки на региональном уровне. Проанализирована динамика угрожаемых зон приграничной Карелии. Основное внимание уделено вопросам реализации военно-гражданского инфраструктурного и эвакуационного планирования в предвоенное десятилетие в Карелии. Показано, что реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки в Карелии отставала от динамики роста угрожаемого пространства автономной республики. Во второй половины 1930-х гг. в КАССР осуществляли только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза был сокращен.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

В отечественной историографии разрабатываются концепции мобилизационной модели и мобилизационной подготовки, оказавшие существенное влияние на довоенную историю СССР [32, 36, 43, 47]. Исследователи активно изучают социально-экономические аспекты истории, роль границ и контактных зон в истории и культуре Карелии [30, 38, 48], историю политического, военно-стратегического, дипломатического, разведывательного противостояния СССР и Финляндии [33, 34, 35]. Постепенно формируется представление о динамике пограничной полосы в пространстве республики, повлиявшей на определение пограничного статуса Карелии [40, 41, 45]. При этом, мобилизационная подготовка, детерминировавшая эти процессы в межвоенный период, до сих пор не рассматривалась как специальный предмет исследования [43]. В данной статье исследуются вопросы военно-гражданского инфраструктурного и эвакуационного планирования в Карелии. Изучение истории мобилизационной подготовки в Карелии потребовало обращения к 9 фондам Государственного Архива РФ и более чем 10 фондам Национального Архива РК [1–27].

Во второй половине 1920-х гг. острые международные противоречия создали угрозы безопасности советского государства на западных (ухудшение и разрыв дипломатических отношений с Великобританией в 1926–1927 гг., осложнение отношений с Польшей в 1927 г. [29]) и дальневосточных рубежах (начало противостояния с Японией и разрыв отношений с Китаем в 1929 г. [29]). После потрясений начала 1920-х гг., положение на северо-западных рубежах страны регулировалось советско-финляндским Соглашением. [33; 109]. Вплоть до 1928 г. Финляндия рассматривалась как

нейтральное государство в случае военного конфликта с западными соседями СССР [33; 114].

С началом предвоенного десятилетия угроза безопасности страны на Дальнем Востоке сохранялась в связи с оккупацией Маньчжурии Японией [28; 114]. Но на первый план выдвинулась угроза со стороны стран западной пограничной полосы СССР: Финляндии, Латвии, Эстонии, Польши, Румынии [33; 115].

В ходе Международной конференции по разоружению 1932—1933 гг. Германия сначала добилась равноправия в рамках системы безопасности, а затем, вслед за Японией, вышла из Лиги Наций. На рубеже 1934—1935 гг. роль главного потенциального противника советского государства перешла к нацистской Германии. В июне 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, которое создавало условия для усиления Германии на Балтике, что приветствовалось правой прессой Финляндии [33; 147]. Сохранялась напряженность и в советско-польских отношениях [28; 118]. Аншлюс Австрии Германией в марте 1938 г. определил угрозу безопасности западных рубежей страны как наиболее реальную [28; 120].

Угроза безопасности советского государства, вызванная ростом международных противоречий, усугублялась чрезвычайно протяженной границей страны и, в условиях неразвитой транспортной инфраструктуры, значительными расстояниями перевозок с целью эвакуации в сравнении с потенциальными противниками [36], относительной «прозрачностью» пограничных рубежей, сохранявшейся межгосударственной миграцией [42] и инерцией недоверия властей к населению приграничных территорий, на которых в 1920-х гг. происходили антисоветские выступления [33; 34; 35].

В условиях международной напряженности стержневой идеей приграничной политики советского государства в межвоенный период было стремление подготовить свои приграничные территории к длительной обороне от вторжения потенциального противника. Концепция приграничной политики, разработанная с учетом предвоенного опыта Российского самодержавия начала XX в. [36], представляла собой комплексную систему мобилизационной подготовки советского государства, функционально нацеленную на пространственно-территориальную, инфраструктурную, социальную и эвакуационную подготовку приграничных территорий [43].

Пространственно-территориальная мобилизационная подготовка проводилась через введение системы пограничных полос и угрожаемых зон в зависимости от изменения внешнеполитических угроз [40, 41]. Инфраструктурной мобилизационной подготовкой было предусмотрено создание военно-гражданской инфраструктуры: транспортной, информационно-коммуникационной систем и военно-оборонительных сооружений. Социальная мобилизационная подготовка предполагала конструирование в приграничных территориях особой категории советского населения, на которую возлагались задачи обеспечения тыла армии в экономическом и политическом отношении в случае потенциального вторжения [46, 44].

Институционализация мобилизационной подготовки на общегосударственном уровне началась параллельно с утверждением концепции политической охраны государственной границы СССР в 1923 г. [31] с разработки нормативных документов и определения угрожаемых зон по степени опасности расположения на возможном театре военных действий. Сформулированные в течение 1923—1925 гг. цели и задачи мобилизационной подготовки были положены в основу разработанного Центральным Межведомственным Мобилизационным Комитетом (ЦММК) и утвержденного 11 августа 1926 г. Постановлением Совета Труда и Оборона СССР (СТО СССР) «Положения о подготовительном к войне периоде» [1]. Согласно «Положению», подготовительный период делился на первый подпериод (с момента осложнения международных отношений до момента выявления неизбежности столкновения — скрытая мобилизация) и второй подпериод (с момента выявления неизбежности столкновения до открытого объявления мобилизации — эвакуационная подготовка).

Основная часть подготовительных мероприятий разрабатывалась в рамках мобилизационных планов (МП) и относилась к первому подпериоду. Целью скрытой мобилизации являлись подготовка приграничных территорий к обороне и максимальное снижение издержек срочной эвакуации. Эвакуационная подготовка должна была обеспечить стабильное функционирование экономики в тыловых районах в экстремальных военных условиях и предполагала разработку эвакуационных планов (ЭП) [36]. В условиях первого подпериода под контролем органов государственной безопасности, ими непосредственно, или по согласованию с ними проводились все мобилизационные мероприятия [1].

Составление эвакуационного плана было возложено на Центральный мобилизационный отдел Наркомата Путей Сообщения (ЦМО НКПС). 3 марта 1927 г. Центральным Межведомственным Мобилизационным Комитетом был утвержден первый план эвакуации [14]. В 1928 г. СТО СССР утвердил

постановление «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов» [15]. Документом регулировались основные вопросы эвакуационной работы и формирование системы эвакуационных совещаний: Центральное Межведомственное Эвакуационное Совещание (ЦМЭС) при штабе РККА, окружные МЭС при штабах приграничных округов, ЦМО НКПС.

Проблемами инфраструктурной подготовки северо-западных пограничных территорий до конца 1926 г. занималась Административно-Финансовая комиссия (АФК) при СНК СССР во главе с В. П. Милютиным [16]. АФК была одной из подкомиссий специальной комиссии, созданной при СНК СССР для изучения состояния дел и улучшения положения населения пограничной полосы в Украине, Белоруссии и Северо-Западного края [37]. С привлечением соответствующих ведомств АФК разработала предложения по улучшению социально-экономического положения населения приграничных территорий, развитию информационно-коммуникационной и транспортной инфраструктуры, кадровой политики правоохранительных органов, советских учреждений и организаций.

Со своей стороны, карельское правительство выдвигало предложения по поддержке пограничных районов. Председатель СНК АКССР Э. А. Гюллинг еще в феврале 1925 г. предложил проект комплекса мероприятий, ориентированных на решение экономических и социальных проблем пограничных уездов Карелии [4]. Многие идеи, совпадавшие с общесоюзными мобилизационными интересами, высказанные в проекте карельского правительства, в дальнейшем были реализованы.

Существенный для инфраструктурной мобилизационной подготовки приграничных территорий вопрос об ограничении строительства крупных промышленных предприятий общесоюзного значения был поднят по инициативе Штаба РККА СССР в 1925 г. при разработке директивы по противовоздушной обороне [8; 4]. Ограничение развертывания производственных мощностей в приграничье, обеспечивающее снижение эвакуационной нагрузки, должно было сочетаться с установкой на ускоренное социально-экономическое развитие этих районов. На приграничные районы возлагалась задача обеспечения тыла армии в экономическом и политическом отношении, поэтому в них необходимо было развивать промышленность местного значения, сельское хозяйство, повышать уровень жизни населения [4; 33]. Стремление Штаба РККА в течение 1925—192 гг. унифицировать правила строительства в приграничных территориях сдерживалось настойчивыми попытками регионального руководства обойти предлагавшиеся военными ограничения [19].

Постановлением Расширенного Заседания СТО СССР от 30 апреля 1928 г. были введены ограничения на строительство промышленных предприятий, имеющих важное государственное значение в Западной приграничной полосе [20; 3]. Постановление вызвало протесты со стороны регионального руководства субъектов СССР, на которые оно распространялось. В результате межведомственной борьбы постановление от 30 апреля 1928 г. осталось в силе, но было принято решение об индивидуальной оценке значения каждого проектируемого к постройке предприятия в Западной приграничной полосе [20; 4]. На этом основании по инициативе ВСНХ СССР, Карельская АССР была изъята из перечня территорий, где действовали ограничения на строительство, в период с 30 апреля по 13 июня 1928 г. для продолжения работ по введению в строй Кондопожской бумажной фабрики и Кондопожской электростанции [20, 6].

С принятием «Положения о подготовительном к войне периоде» подготовка и осуществление инфраструктурной мобилизационной подготовки в пограничных территориях были поручены мобилизационному аппарату, структура которого формировалась вне штатного расписания гражданских наркоматов, ведомств, предприятий и через Центральный Межведомственный Мобилизационный Комитет подчинялась СТО СССР. Соответственно, при карельском правительстве было создано Межведомственное Мобилизационное Совещание (ММС). В секретариате СНК АКССР работали специальные инструкторы по мобилизационно-оборонной подготовке [2; 4], а во всех наркоматах, учреждениях и РИКах — мобилизационные ячейки. Для осуществления контроля и оказания помощи районным исполнительным комитетам в организации мобилизационной подготовки (составление заявок к мобилизационным планам, исполнение их) на места направлялись комиссии, в составе которых находились инструкторы по мобилизационной работе.

Для корректирования инфраструктурной подготовки в Западных пограничных районах при ЦИКах соответствующих республик и автономий были созданы специальные пограничные комиссии и пограничные фонды. В комиссии входили уполномоченный ЦИК по развитию пограничных районов, заместитель начальника ГПУ и руководители наркоматов.

Региональные пограничные фонды начали создавать с 1925 г., когда по требованию РВС СССР на местах были сформированы мобилизационные фонды [21]. Финансирование мобилизационной работы

предполагалось долевое с участием союзного бюджета, бюджетов автономной республики и областей.

В 1926 г., исходя из оперативной картины начального периода будущей войны на западном ТВД, Карельская АССР, г. Ленинград с прилегающим районом, Западная область РСФСР, БССР, Правобережье УССР и Крымская ССР были включены в состав Западной угрожаемой зоны СССР. С апреля 1927 г. Западная угрожаемая зона была разделена на секторы, что давало возможность корректировать вывоз людских и материальных ресурсов, проводя его лишь из того сектора, которому непосредственно угрожал противник: Северный, Белорусский, Украинский, Крымский, Северо-Кавказский [22]. Каждый сектор был разделен на первую и вторую угрожаемую зоны (по степени опасности расположения на театре военных действий). С 1928 г. в пределах первой угрожаемой зоны были определены особо угрожаемые районы. Так, в Карельском секторе первой угрожаемой зоны особо угрожаемыми районами считались Сямозерский, Видлицкий, Олонецкий, Святозерский и Прионежский, то есть, южные районы республики, которые прикрывали подступы к Ленинграду с севера и востока [36].

В течение предвоенного десятилетия размер угрожаемых территорий Карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР вырос на 49%. Если в 1930 г. к угрожаемой зоне относилось 6% (9265 кв. км), территории республики, в 1935 г. – 51% (72249 кв. км), то в 1938 г. – 55% (81333 кв. км) [43]. Для центральных властей стимулом к расширению угрожаемых территорий выступало, прежде всего, менявшееся со временем представление о степени угрозы безопасности для западных рубежей советского государства. В условиях долевого финансирования мобилизационной подготовки и «фактически» аннулированных особых бюджетных прав АКССР [33; 131], карельское правительство, учитывая дефицит республиканского бюджета, со своей стороны настаивало на увеличении числа угрожаемых районов, рассчитывая переложить недостающую часть средств на бюджет РСФСР. С марта 1929 г. правительство АКССР ходатайствовало перед СНК РСФСР о включении в список угрожаемых районов Кестенгского, Ухтинского, Ребольского, Петровского, Ругозерского [3]. В декабре 1932 г. — январе 1933 г. правительство Э. А. Гюллинга дважды обращалось в ЦМЭС с просьбой о включении в угрожаемую зону (первую и вторую) всей территории АКССР, кроме Пудожского района [11]. Но эти просьбы оставались без удовлетворения, а летом—осенью 1935 г. финское руководство республики было смещено.

В связи с заключением англо-германского морского соглашения к августу 1935 г. постановлением СНК РСФСР был уточнен список районов 1-й угрожаемой зоны по Карелии: Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ругозерский, Ребольский, Кестенгский, Калевальский (Ухтинский), Кандалакшский [9]. В 1938 г., прежде всего, в связи с напряженной внешнеполитической ситуацией, 1-ю угрожаемую зону Карельского сектора дополнили г. Петрозаводск, Кондопожский и Ведлозерский районы (образованный из частей Пряжинского и Олонецкого районов). Фактически, учитывая административно-территориальные изменения границ районов Карелии в 1930 г. и 1935 г., угрожаемые территории Карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР включали в себя 10 из 19 районов республики [23].

Динамика увеличения территории угрожаемой зоны определяла содержание мобилизационной подготовки в республике. В предвоенное десятилетие в ней можно выделить три периода: первый период продолжался с рубежа 1929—1930 гг. по 1934 г., второй — с 1935 г. по 1937 г., третий — с 1938 г. по начало 1939 г. Каждый период сопровождался изменением пределов угрожаемой зоны и корректированием планов мобилизационной и эвакуационной подготовки.

В течение первого и второго периодов были разработаны и введены в действие инструкции по проведению мобилизационной и эвакуационной подготовке в регионах страны. В 1930 г. СТО СССР издал «Наставление для разработки плана вывоза». В документе определялась структура органов и должностных лиц, на которые возлагалась эвакуационная подготовка в мирное время и проведение эвакуации в условиях военного времени. Вслед за ним в 1931 г. были разработаны "Наставления о мобилизационной оборонной работе" для управленческих структур всех уровней власти, вплоть до РИКов [2; 4]. Введение инструкций по составлению эвакуационных планов и мобилизационной подготовки позволило унифицировать процесс мобилизации на региональном уровне. Для низового административного аппарата был разработан список обязательных для хранения секретных документов по мобработе. По мере развития средств связи этот список сокращался [2; 25].

С февраля 1931 г. в РИКах были введены штатные должности инспекторов по мобилизационно-оборонной работе, которые получали допуск в органах ГПУ. Новые штатные единицы по мобилизационной работе вводились сразу и в пограничных, и тыловых районах Карелии [2; 22]. Указанием СНК РСФСР во всех районах АКССР с февраля 1931 г. были созданы суженные заседания президиумов райисполкомов. Главная их задача заключалась в проведении мобилизационной

подготовки на местах [2].

Для обучения мобилизационной подготовке управленцев всех уровней с зимы 1930—1931 гг. начали работать специальные курсы. Из Карелии мобработников направляли на курсы, организованные штабом ЛВО в Ленинграде с 20 января 1931 г. С февраля 1931 г. на основании "Временного положения об аттестовании мобработников", утвержденного СНК РСФСР 7 января 1931 г., при СНК АКССР была организована аттестационная комиссия мобработников. О том, какое значение придавалось мобилизационной подготовке, можно судить по составу комиссии: начальник ОГПУ АКССР (Л. Ф. Липовский), заместитель Наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (В. М. Ипатов), секретарь Карельского ЦИК (Х. Хейккинен) [2; 15].

Во втором полугодии 1934 г. в стране была проведена масштабная проверка состояния мобилизационной работы, которая выявила, что многие организации и ведомства продолжали относиться к формированию эвакуационных планов формально, подтверждая цифры заявок двухлетней давности без уточнения [9; 4]. Результатом проверки стал новый этап институционализации мобилизационной работы. В 1935 г. было издано общесоюзное положение о мобилизационной и оборонной работе. На его основе с февраля 1936 г. началась реорганизация мобработы в гражданских учреждениях и ведомствах Карелии. Существующие мобилизационные органы были переименованы: в Совнарком АКССР — в специальный отдел, в Наркоматах, областных учреждениях и организациях — в спецгруппы, в райисполкомах, горсоветах, предприятиях — в печати.

Для разрешения мобилизационных и оборонных вопросов были закреплены Суженные Заседания на уровне СНК, в райисполкомах и горсоветах. Сместить начальника мобилизационного органа можно было только с разрешения СНК республики. В случае разглашения военной тайны или хищения мобилизационных документов виновных лиц привлекали к ответственности во внесудебном порядке [11]. Начиная с 1935 г. возрос уровень контроля за проведением мобилизационной работы и соблюдением секретности. К 1937 г. была сформирована специальная штатная структура в учреждениях и организациях, выполнявшая мобилизационную подготовку на региональном уровне.

Планы инфраструктурной мобилизационной подготовки приграничной территории были рассчитаны в мобилизационных планах (МП) предвоенного десятилетия. Предполагалось ежегодное корректирование инфраструктурных мобилизационных планов и согласование их с эвакуационным планированием [1]. Но несогласованность действий наркоматов и ведомств и изменения в оценке угроз безопасности в предвоенное десятилетие приводили к нарушениям установленной периодичности. Так, действовавший с 1928 г. мобилизационный план подвергся срочным изменениям зимой 1929—1930 гг., он включал расчеты на 5 лет и вступил в силу с апреля 1930 г. [4] А уже 31 августа 1933 г. вступил в действие новый план, который получил наименование МП-3. Мероприятия оборонного строительства приграничных районов в нем были рассчитаны до 1937 г. Следующий мобилизационный план МП-4 был разработан и введен в действие с 1 июля 1935 г., раньше предполагаемого срока [9].

Мобилизационные планы содержали показатели по развитию дорожной, информационно-коммуникационной инфраструктуры, строительству тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии. Хуже всего обстояло дело с наиболее капиталоемким дорожным строительством. В ходе формирования дорожной инфраструктуры Карелии к концу 1932 г. из запланированных 1140 км дорог было построено лишь 436 км [24]. К концу 1937 г. из запланированных 3458 км дорог удалось построить лишь пятую часть [27]. Основная часть дорожного строительства велась в южных угрожаемых районах Карельского сектора.

Развитие средств связи Карелии в первой половине 1930-х гг. шло медленными темпами: если на рубеже 1920—1930-х гг. количество радиоточек в республике составляло 8702 (в пограничных районах — около 1500), то в конце 1933 г. — около 10 тыс. Достигнутые результаты сохранились в 1936 г. Основная масса радиоточек располагалась в г. Петрозаводске и ближайших районах [39]. В 1931 г. в республике насчитывалось 14 трансляционных радиоузлов и до 1933 г. было запланировано установить еще 7. Результаты проверок состояния средств коммуникации в пограничных территориях, проведенные летом 1936 г., привели к созданию союзным правительством перспективного плана установки радиотрансляционных точек, по которому в Карелии планировалось установить еще 6500 радиоточек в течении 1936—1937 гг. [18]. Форсирование строительства радиосети во второй половине 1930-х гг. обеспечило в начале следующего десятилетия вещание на 20 899 радиоточки 73 трансляционных радиоузлов в республике.

Развитию телеграфно-телефонной сети в Северо-Западной пограничной полосе было уделено внимание еще в проекте АФК В. П. Милютина. К рубежу 1920—1930-х гг. в Карелии действовало 103 почтовых и почтово-телеграфных предприятий, 59 телефонных станций и переговорных пунктов [5]. К

концу 1932 г. 7 районных центров из 20 имели телефонную связь с Петрозаводском, число телефонизированных сельсоветов составило 119 из 213. Вместе с тем, заявленная цель — полная телефонизация пограничных районов к концу десятилетия так и не была достигнута.

В 1935—1936 гг. была построена магистральная линия связи Ленинград — Петрозаводск — Мурманск, позволившая организовать междугородную телефонную связь. К 1937 г. завершилась телефонизация объектов оборонного строительства вдоль линий Сорока — Лехта, Андропова Гора — Кимасозеро, Пряжа — Сямозеро. Несмотря на очевидные успехи в создании телефонно-телеграфной связи и радиосвязи в республике, главной мобилизационной цели развития средств коммуникации — обеспечения оперативного оповещения о мобилизации — во второй половине 1930-х гг. достичь не удалось [17].

В отношении создания районной полиграфической базы и издания местных газет, поставленные задачи, напротив, были решены. В 1930 г. помимо типографии им. Анохина в Петрозаводске действовали типографии в Кемии, Олонце и Пудоже, а уже в 1938 г. типографии имелись во всех районах республики. В первую очередь типографии открывались в пограничных районах. Издание 18 районных газет было запланировано к 1937 г., но уже в 1936 г. все они выпускались [39].

В планах формирования инфраструктуры пограничных районов большая часть финансовых затрат (до 20% ежегодно) выделялась на решение проблем здравоохранения [26]. Анализируя в начале 1930-х гг. состояние мобилизационной подготовки в области здравоохранения, СЗ СНК АКССР вынуждено было признать отставание развития медицинской сети в пограничных районах Карелии от тыловых [2; 19]. Остро стоял вопрос пополнения неприкосновенного запаса медицинско-санитарно-хозяйственного имущества в пограничных районах. Отчасти его решили направив к концу десятилетия в районы перевязочный и хирургический материал, оборудование для 110 коек, 4 дезинфекционные камеры, 27 пищевых лабораторий и другое оборудование [9; 119]. Для решения кадрового дефицита в медицинских учреждениях Наркомздрав обязали направлять в пограничные районы не менее 60% прибывавших в Карелию медработников. К концу десятилетия в пограничные районы было направлено 40 врачей по спецраспределению [9; 120].

Значительную часть мобилизационных планов составляло строительство тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии. В рамках оборонного строительства в республике предполагалось возводить только те объекты, которые можно было быстро или свернуть, или ликвидировать в случае необходимой эвакуации. Исключением был Онежский завод, реконструкцию которого планировалось осуществить к 20 марта 1931 г. и обеспечить импортным оборудованием оборонного значения [2; 20]. Сумма ассигнований на оборонное строительство в карельском секторе в течение десятилетия сокращалась: в 1931 г. она составляла 5637,5 тыс. руб. [2], в 1935 г. — 917 тыс. руб. [9; 46]. Количество объектов оборонного строительства по МП-4 превышало титульный список 1931 г. на 7 единиц и составляло 42 единицы, но масштаб строительства был меньше. Самые значительные затраты предполагались на строительство стратегически важного тракта Парандово — Реболы (перегон Муезеро — Емельяновка) [9; 32]. Из предприятий предполагалась только достройка хлебозавода в г. Петрозаводске и механической хлебопекарни в Олонецком районе. Больше внимание уделялось строительству машинно-тракторных станций (МТС), если в 1931 г. их было только 2, то в 1935 г. уже 10, а в 1937 г. 21 [27].

Планы мобилизационной подготовки по созданию инфраструктуры пограничных районов не выполнялись в полном объеме из года в год. Это было вызвано сокращением финансирования МП карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР, несогласованностью и чрезмерной бюрократизацией процесса принятия решений, ограниченными ресурсами рабочей силы в республике. Во второй половине 1930-х гг. выполнение некоторых направлений МП было форсировано: создание радио и телефонной сети, сети здравоохранения, ветеринарных лечебниц, МТС. При общем невыполнении МП способствовали формированию дорожной, информационно-коммуникационной и социальной инфраструктуры в пограничных районах.

Параллельно мобилизационной подготовке разрабатывались эвакуационные планы. С рубежа 1929—1930 гг. по 1934 г. в карельском секторе предполагалась только эвакуация, в отличие от других угрожаемых территорий Западной приграничной полосы, в которых планировался режим разгрузки в первый подготовительный период и эвакуации во второй. Обусловлено это было оценкой угроз, незначительным числом подлежащих вывозу людей и предприятий в Карелии, достаточным количеством подвижного состава, необходимого для эвакуации. Число людей и предприятий, подлежащих вывозу в этот период, постепенно увеличивалось. В эвакуационный план 1930 г. был включен Онежский завод, в 1931 г. — Кондопожская бумажная фабрика и электростанция, слюдная

фабрика, как находившиеся в угрожаемой зоне [2; 24]. Число людей, подлежащих эвакуации соответственно составило 5582 [10] и 6537 [2]. Необходимость вывоза оборудования с предприятий потребовала увеличить число вагонов (с 801, из них 640 вагонов предназначалось для Онежского завода, в 1930 г., до 1031 вагонов в 1931 г.) и срока эвакуации в 1930 г. с 10 до 20 дней [10; 2].

Мобилизационный отдел НКВД РСФСР (МО НКВД РСФСР) базой эвакуации людского контингента и оборудования Онежского завода определил Воткинский завод в Удмуртии [10]. Местом эвакуации для Олонецкого района был определен г. Вятка с маршрутом следования водным путем до пункта назначения без перевалки в Череповце (как было определено по эвакуационному плану 1928 г.) [2]. Для других районов республики станцию назначения определили с. Вытегра Ленинградской области (вместо Вологды, как это было определено в 1928 г. [2; 15]).

С 1935 г. по 1938 г., несмотря на рост числа угрожаемых районов, число людей и предприятий, подлежащих вывозу из Карелии, сокращалось. В эвакуационный план 1935 г. СЗ СНК АКССР подготовил заявки на вывоз грузов в количестве 5919 т. и людских контингентов в количестве 8270 человек. Количество людских контингентов выросло в сравнении с 1931 г. за счет включения в их состав иностранных рабочих лесорубов. Их вывоз номенклатурой не предусматривался, но карельское правительство настоятельно просило ЦМЭС принять их в эвакуационный план вывоза [9; 4]. Заявка Карелии на эвакуационный вывоз не только не была удовлетворена, но, напротив, сокращена из-за планов первоочередного сосредоточения подвижного состава в Украинском и Белорусском секторах Западной угрожаемой полосы. В сводном плане 1935 г. для АКССР было установлено количество людского контингента лишь в 3096 человек, почти в 2 раза меньше, чем в 1930 г. Количество предполагаемого к вывозу ценного груза составило 5074,25 т., в два с лишним раза меньше, чем в 1931 г. Эвакуационный план 1938 г. предусматривал дополнительные сокращения: вывоз квалифицированной рабочей силы — 1743 человека и ценного груза — 4183,2 т. [13; 35].

Начиная с 1935 г. СЗ СНК АКССР настаивало на изменении режима мобилизационной подготовки в Карелии, требуя проводить вывоз людей и ценного груза не автоматически с объявлением мобилизации, а в режиме разгрузки по особому распоряжению Наркомата Обороны, также, как в других секторах Западной угрожаемой зоны СССР [9; 35]. То есть, в первый подготовительный период потенциально угрожаемые районы предполагалось максимально разгрузить для снижения эвакуационной нагрузки, в том числе, с целью сокращения потребности в подвижном составе. Перенос основных мобилизационных мероприятий по Карелии в первый подготовительный период позволял не только решить возможные проблемы срочной эвакуации, но и способствовал форсированию в 1935 г. принудительной территориальной мобильности населения приграничных районов.

В результате пересмотра руководством СССР угроз безопасности во второй половине 1930-х гг. площадь Карельского сектора Западной угрожаемой полосы выросла до 81333 тыс. кв. км, охватив 55% территории республики. Реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки в Карелии отставала от динамики роста угрожаемого пространства автономной республики. Поэтому, со второй половины 1930-х гг. в АКССР были форсированы только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза — сокращен. Основные мероприятия мобилизационной подготовки были переведены в план скрытой мобилизации.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список источников и литературы

Источники

1. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 5А. Д. 243. Л. 58—62; ГАРФ Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 12—13.
2. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1.
3. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 129. Л. 18.
4. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 162.
5. Краткий статистико-экономический справочник 1923—1933 гг. Петрозаводск: Изд-во СНК АКССР, 1933.
6. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 290; НАРК. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 31. Л. 20.
7. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 93. Л. 4.
8. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 269. Л. 8.
9. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10.

10. НАРК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 454.
11. НАРК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 3. Л. 2.
12. ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 10. Д. 217. Л. 2.
13. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 5.
14. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.
15. ГАРФ. Ф. 3478. Оп. 7. Д. 723. Л. 4—27.
16. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 6А. Д. 35. Л. 43.
17. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 29. Л. 47.
18. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 840. Л. 238.
19. ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 16. Л. 154, 217.
20. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 8.
21. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 257. Л. 3—4.
22. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
23. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 41. Л. 35.
24. НАРК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 118. Л. 3—4.
25. НАРК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 16.
26. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 2. Л. 144.
27. НАРК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 411; Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 34.

Литература:

28. Голубев А. В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 108—127.
29. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // *Отечественная история*. 2008. №1. С. 36—58.
30. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования / Ред. О.П. Илюха, И. И. Муллонен. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 258 с.
31. Ежуков Е. Л. Становление концепции защиты и охраны границы советского государства // *Власть*. 2008. № 12. С. 104—107.
32. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х—середина 1930-х) М.: ОГИ, 2008. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
33. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920—1941 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 275 с.
34. Килин Ю. М. Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрэн Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.). // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. С. 166—173. [Электронный ресурс]. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=2922>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
35. Лайдинен Э. П. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.) / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. Петрозаводск: Verso, 2013. 295 с.
36. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 157 с.
37. Нэх В. Ф. Организационно-правовые меры обеспечения военной и пограничной безопасности западных приграничных регионов СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://crazyprofess-com-ua.1gb.ua>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
38. Репухова О. Ю. Реакция населения Карелии на мероприятия советской власти в начале 30-х годов XX века // *Наука и современность—2011: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции*. Новосибирск, 2011. С. 131—136.
39. Репухова О. Ю. СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии) // *Краеведческие чтения. Материалы VII научной конференции (14—15 февраля 2013 г.)*. С. 183—195.
40. Репухова О. Ю. Формирование системы пограничных полос в Карелии в 1920—х гг. // *Армия и общество*. 2014. № 2 (39). С. 123—129.
41. Репухова О. Ю. Система пограничных полос в Карелии в 1930-х годах // *В мире научных*

открытий. 2014. № 11.8 (59). С. 3216—3228.

42. Репухова О. Ю. Карельская таможня в 1920-х годах // Научный электронный журнал *Carelica*. 2014. № 2. (12). С. 20—33. [Электронный ресурс]. URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_2_2014_\(12\)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godah.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_2_2014_(12)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godah.html), свободный. (Дата обращения 10.10.2015).

43. Репухова О. Ю. Мобилизационная подготовка в Карелии в предвоенное десятилетие // Ученые записки ПетрГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1(146). С. 34—40.

44. Репухова О. Ю. Операция органов государственной безопасности 1933 года в контексте мобилизационной подготовки Западной пограничной полосы СССР (Карельский сектор) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. С. 38—43.

45. Репухова О. Ю. Историография пространственно-территориальной мобилизационной подготовки советского государства в межвоенный период: карельский участок / Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития материалы Международного форума. Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, 2014. С. 204—206. [Электронный ресурс]. URL: <http://euronorth.petrus.ru/doc/euronorth2014.pdf>, свободный. (Дата обращения: 10.10.2015).

46. Романова И. «Зона»: Беларусь 1930-х годов с советской стороны границы // *Спадщина*. 2001. № 12. С. 11—134.

47. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 2. С. 3—12.

48. Филимончик С. Н. Процессы модернизации на европейском Севере России в 1920—1930-х годах: социально-экономические аспекты // *Российская история*. 2009. № 3. С. 185—194.

REFERENCES

1. GARF. F. R-5446. Op. 5A. D. 243. L. 58—62; GARF F. 8418. Op. 1. D. 111. L. 12-13.
2. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 1.
3. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 129. L. 18.
4. NARK F. R-690. Op. 1. D. 162.
5. Brief Statistics and Economic Handbook 1923—1933. [Kratkiy statistiko-ekonomicheskiy spravochnik 1923—1933]. Petrozavodsk: Izd-vo SNK AKSSR, 1933.
6. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 101. L. 290; NARK. F. P-3. Op. 3. D. 31. L. 20.
7. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 93. L. 4.
8. GARF. F. 5446. Op. 5A. D. 269. L. 8.
9. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 10.
10. NARK. F. P-3. Op. 2. D. 454.
11. NARK. F. 690. Op. 10. D. 3. L. 2.
12. GARF. F. R-8418. Op. 10. D. 217. L. 2.
13. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 5.
14. GARF. F. 8418. Op. 1. D. 73. L. 6.
15. GARF. F. 3478. Op. 7. D. 723. L. 4—27.
16. GARF. F. R-5446. Op. 6A. D. 35. L. 43.
17. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 29. L. 47.
18. NARK. F. R-690. Op. 3. D. 840. L. 238.
19. GARF. F. 5674. Op. 1. D. 16. L. 154, 217.
20. GARF. F. 8418. Op. 2. D. 8.
21. GARF. F. 5446. Op. 5A. D. 257. L. 3—4.
22. GARF. F. 8418. Op. 1. D. 83. L. 6.
23. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 41. L. 35.
24. NARK. F. R-624. Op. 1. D. 118. L. 3—4.
25. NARK. F. R-700. Op. 1. D. 1103. L. 16.
26. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 2. L. 144.
27. NARK. F. R-1690. Op. 1. D. 411; F. R-700. Op. 1. D. 1103. L. 34.
28. Golubev A. V. "Russia Can Rely Only On Itself": Ideas About a Future War in the Soviet Society of the

1930s [«Rossiya mozhetsya polagatsya lish na samu sebya»: predstavleniya o buduschey voyne v sovetskom obschestve 1930-h godov] // *Otechestvennaya Istoriya*. 2008. № 5. S. 108–127.

29. Golubev A. V. Soviet Society And the "War Alert" 1920 in 1920s [Sovetskoe obschestvo i «voennyye trevogi» 1920-h godov] // *Otechestvennaya Istoriya*. 2008. № 1. S. 36–58.

30. Granitsy and Contact Zones in the History and Culture of Karelia and Adjacent Regions. Humanities Research [Granitsyi i kontaktnyye zony v istorii i kulture Karelii i sopredelnykh regionov. Gumanitarnyye issledovaniya] / Ed. O. P. Ilyukha, I. I. Mullonen. Vyp. 1. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, 2008. 258 s.

31. Ezhukov E. L. Formation of the Concept of Protection and the Protection of the Borders of the Soviet State [Stanovleniye kontseptsii zaschityi i ohrany granitsyi sovetskogo gosudarstva] // *Vlast'*. 2008. № 12. S. 104–107.

32. Ken O. Mobilization Planning and Political Decisions (the End of the 1920s and mid-1930s) [Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 1920-h — seredina 1930-h)]. M: OGI, 2008, 512 s. [Electronic resource]. URL: <http://www.disscat.com> (accessed 10.10.2015).

33. Kilin Y. M. Karelia in the Policy of the Soviet State in 1920–1941. [Kareliya v politike sovetskogo gosudarstva 1920–1941]. Petrozavodsk. Petrozavodsk State University, 1999. 275 s.

34. Kilin Y. M. Review of the book : Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilu itäajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Elfvengren E., Laidinen E. P. Spying on the Eastern Border. Intelligence Activities of the General Staff of the Finnish Army in the Soviet Karelia in 1918–1939.) [Shpionazh za vostochnoy granitse. Deyatel'nost' razvedki General'nogo shtaba finskoy armii v Sovetskoy Karelii v 1918–1939 gg.] // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. S. 166–173. [Electronic resource]. URL: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=2922> (accessed 10.10.2015).

35. Laidinen E. P. Finnish Intelligence Against the Soviet Russia. Special Services in Finland and Their Intelligence Activities in the North-West of Russia (1914–1939) [Finskaya razvedka protiv sovetskoy Rossii. Spetsialnyye sluzhby Finlyandii i ikh razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Severo-Zapade Rossii (1914–1939)] / E. P. Laidinen, S. G. Verigin. Petrozavodsk: Verso, 2013. 295 s.

36. Meliya A. A. Mobilization Preparation of the Economy of the USSR. [Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaystva SSSR]. M.: Alpina Business Books, 2004. 157 s.

37. Neh V. F. Organizational and Legal Measures to Ensure Military and Border Security of the Western Border Regions of the USSR. [Organizatsionno-pravovyye mery obespecheniya voennoy i pogranichnoy bezopasnosti zapadnykh prigranichnykh regionov SSSR]. [Electronic resource]. URL: <http://crazyprofess-com-ua.1gb.ua> (accessed 10.10.2015).

38. Repuhova O. The Reaction of the Population of Karelia to the Soviet Power's Policies in the early 1930s. [Reaktsiya naseleniya Karelii na meropriyatiya sovetskoy vlasti v nachale 30-h godov XX veka] // *Nauka i sovremennost': Sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 2011. S. 131–136.

39. Repuhova O. Media as a Channel of Interaction Between Society and the State in the 1930s (Case Study Karelia) [SMI kak kanal vzaimodeystviya obschestva i gosudarstva v 1930-h godakh XX veka (na primere Karelii)]. Kraevedcheskiye chteniya. Materialy VII nauchnoy konferentsii (14–15 fevralya 2013 goda). S. 183–195.

40. Repuhova O. Formation of System of Border Lines in Karelia in the 1920s. [Formirovaniye sistemy pogranichnykh polos v Karelii v 1920-h gg.]. // *Armiya i obschestvo*. 2014. № 2 (39). S. 123–129.

41. Repuhova O. System of the Border Lines in Karelia in 1930s. [Sistema pogranichnykh polos v Karelii v 1930-h godakh] // *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2014. № 11.8 (59). S. 3216–3228.

42. Repuhova O. Y. Karelian Customs in 1920 [Kare'lskaya tamozhnya v 1920-h godakh] // *Nauchnyi elektronnyy zhurnal Carelica*. 2014. № 2. (12). S. 20–33. [Electronic resource]. URL: [http://carelica.petsu.ru/CARELICA_2_2014_\(12\)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godakh.html](http://carelica.petsu.ru/CARELICA_2_2014_(12)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godakh.html) (accessed 10.10.2015).

43. Repuhova O. Mobilization Preparations in Karelia in Prewar Decade [Mobilizatsionnaya podgotovka v Karelii v predvoennoye desyatiletie] // *Uchenyye zapiski PetrGU. Seriya Obschestvennykh i humanitarnykh nauk*. 2015. № 1 (146). S. 34–40.

44. Repuhova O. Operation of the State Security Service in 1933 in the Context of the Mobilization Preparation of the Western Frontier Zone of the USSR (Karelian sector) [Operatsiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti 1933 goda v kontekste mobilizatsionnoy podgotovki Zapadnoy pogranichnoy polosy SSSR (Karel'skiy sektor)] // *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy: sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / Pod obsch. red. S. S. Chernova. Novosibirsk: Publishing TSRNS, 2015. S. 38–43.

45. Repuhova O. Historiography of the Space-Territorial Mobilization Preparation of the Soviet State in the Interwar Period: Karelian Area. [Istoriografiya prostranstvenno-territorial'noy mobilizatsionnoy podgotovki sovetskogo gosudarstva v mezhvoennyiy period: karelskiy uchastok // Klassicheskiy universitet v prostranstve transgranichnosti na Severe Evropy: strategiya innovatsionnogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnogo foruma. Petrozavodskiy gosudarstvenniy universitet]. Petrozavodsk, 2014. S. 204—206. [Electronic resource]. URL: <http://euronorth.petrus.ru/doc/euronorth2014.pdf> (accessed 10.10.2015).

46. Romanova I. "Zone": Belarus in 1930s From the Soviet Side of the Border [«Zona»: Belarus 1930-h godov s sovetskoy storony granitsy] // *Spadchina*. 2001. № 12. S. 11—134.

47. Senyavsky A. Soviet mobilization model of industrial modernization: historical and theoretical problems [Sovetskaya mobilizatsionnaya model industrialnoy modernizatsii: istoriko-teoreticheskie problemy] // *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 2011. № 2. S. 3—12.

48. Filimonchik S. N. Processes of Modernization in the European North of Russia in 1920-1930: Socio-Economic Aspects [Protsessy modernizatsii na evropeyskom Severe Rossii v 1930-h godakh: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty] // *Rossiyskaya istoriya*. 2009. № 3. S. 185—194.

Mobilization planning in Karelia in prewar decade

REPUHOVA
Oksana

*Senior Lecturer,
Department of Russian History,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, repukhova@yandex.ru*

Keywords:

Soviet Karelia
mobilization training
border area
threatened area
infrastructure preparation
evacuation preparations
mobilization plans
evacuation plans

Summary:

The paper explores the poorly studied history of mobilization planning in Soviet Karelia in 1930s. The institutionalization of mobilization preparations at the regional level and the dynamics of threatened border areas of Karelia are considered. The article is focused on the implementation of civil-military infrastructure and evacuation planning in prewar decade in Soviet Karelia. It is shown that the implementation of the planned indicators of infrastructural civil-military mobilization preparations in Karelia lagged behind the pace of extension of the threatened areas of the autonomous republic. Construction works that didn't require substantial financial investments were only performed in the autonomous republic in the second half of the 1930s, and evacuation volumes had been reduced.